

«Жертва» Аллы Тарасовой

Это письмо Виталий Виленкин написал, когда он юношей только начинал работать в литчасти МХАТа, а Алла Тарасова, которой 6 февраля исполнилось бы 100 лет, уже многие годы блистала на мхатовской сцене и незадолго до того сыграла Юлию в спектакле «Последняя жертва».

Сегодня в театре, тоже вступившем в свой сотый сезон, ломают голову, какова идея художественного театра в наше время. В этом полном любви и восхищения письме Виленкина Тарасовой из архива народной артистки Галины Ивановны Калиновской идея художественного театра лежит на поверхности. Недаром все, кто видел это письмо, придают ему большое значение.

Сейчас таких писем не пишут.

Публикуется впервые.

«Милая Алла Константиновна!

Сегодня опять смотрел «Жертву», и такое у меня все эти дни непреходящее, большое впечатление от Вас, что не могу удержаться, чтобы не написать Вам несколько слов. Знаете, скажу Вам так: впечатление больше, шире, и радость за Вас и театр глубже, чем то, что заключено в роли Юлии. Победа Ваша громадная для меня в том, что Вы вообще возвращаете нам веру в театр, в его духовную силу, в его поэзию, в его колдовство. За последние годы мне (да я знаю, и многим) стало казаться, что это вообще кончилось, ушло, осталось только более или менее яркое, иногда талантливое, но грубое, материальное ремесло. Ведь не случайно все эти пресловутые разговоры последнего времени о «мастерстве», о «театральности» как о какой-то особой области, в которой есть какие-то особые спецы. А Вы сегодня реабилитировали затрепанное слово — мастерство, хоть и, наверно, не думали о нем, когда работали. Глядя на Вас, его ощущаешь явственно и радостно, но только на как какое-то особое умение или виртуозный прием, а как высшую свободу художника, рожденную внутри его, в его душе и освещающее все его сознание сильным поэтическим светом.

Ваше сказание — поэтическое, другого слова для него не нахожу. Тут и правда, и верность, и четкость рисунка, тут и неуслышанность, и чистота, и победительная Ваша женственность, тут духовная красота и ее очищающее воздействие на зрителей. В том-то и дело, что каждого из этих элементов в отдельности было бы мало для того, чтобы определить значительность сделанного Вами. Всякий скажет, что в Юлии Вы поразительно верны эпохе, что Вы заставляете ее почувствовать и поверить в нее на сцене; но этого мало, — в драме Юлии Вы схватили еще что-то, что не только есть знак или характерная черта эпохи, женщины той эпохи, а что остается в мире, когда эпоха-то уже давно прошла, что это общечеловечески важное. Вы верны быту Островского, Вы — вся в нем, но Вы в то же

время еще и над этим миром. Вы великолепно овладели словом Островского и его интонацией, — но Вы еще заставляете проникать за оболочку слова и за словами мучительно ощущать судьбу этой женщины, не выраженную словами. Вы заставляете видеть в Островском великого писателя. Вот это все меня особенно волнует, когда я гляжу на Вас в Юлии. Ведь это огромно!.. Я так думаю, что это именно тот смысл и «потолок» театра, к которому стремились и Станиславский и Немирович: ведь они и мечтали о поэтическом воздании актера!..

...Вы можете гордиться и цельностью Вашего образа. Камень преткновения всех прежних исполнительниц, включая и Ермолову, больше не существует: любовь, нежность и — деньги! Да ведь в этом все дело, вся трагедия, вся трагическая правота этой женщины, и Вы убедительны в этом предельно. Деньги разъели не только души Прибытковых и Дулачиных, они ржавчиной

отложились и в чистой, нежной душе Юлии, и когда прорвалась наружу ее великая обида, когда все в ней оскорблено — она заговорила о деньгах. Кому, глядя на Вас, придет в голову увидеть в этом какое-то противоречие? Но главное — что Вы не обошли это в роли, а смело и прямо пошли по линии наибольшего сопротивления — и победили.

Еще два слова о внутренней характеристике: даже, — как говорил Вл. И., помните? — утерянный секрет в современном театре. И здесь Ваша полная победа, которую трудно анализировать: вижу Тарасову, которую знаю и люблю по таким-то и таким-то ролям, по внешним ее данным (и каким!), по голосу, по манере, — а передо мной новый человек, она — и не она! Родилось что-то своеобразное, раскрывшись новые стороны души, и только так сможет она говорить, и смотреть, и плакать...

Не сердитесь за нескладницу письма, — очень трудно подобрать слова для такого события, вот и я решил не подбирать, а пусть — как выйдет.

Целую Вашу руку

Ваш Виленкин

24.VI.44»

Публикация Ольги ФУКС

Вст. Москва. — 1998. — 6 февр. — 2.ч. ♥